

ЭТНОС И КУЛЬТУРА

© ЭО, 2004 г., № 6

Л.Р. Кызласов

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ТЮРКОВ И ИРАНЦЕВ В VI–XIII ВВ. (ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ, РЕЛИГИЯ)

*Я поймаю чудесного фазана стиха,
ибо стремителен мой ловчий сокол.
Если ты этому не веришь,
то спроси художника Чина.
Желанным будет для Мани
написанное кончиком моего
мускусно-черного пера*

Хафиз

Культурное и языковое взаимодействие иранских и тюркских народов средневековья имеет богатую историографию во многих отраслях востоковедения: исторической, археологической, лингвистической и иных. Мною не ставится задача полного обзора всех или даже основных материалов и проблем, связанных с этой темой. Существенней обратить внимание коллег на ряд новых связей, выявленных между известными и свежими, впервые полученными данными, а также прояснить основу возникающих современных подходов к изучению многосложной культурной ситуации, возникшей некогда на значительных пространствах средневековой Евразии.

Согдийская письменность и язык в государствах тюрков

Многими тюркологами, как и иранистами, как нам представляется, не в полной мере осознается важный исторический факт: официальной письменностью и государственным письменным языком в Первом Тюркском каганате являлись согдийское письмо и согдийский язык.

Мне уже приходилось писать, что VI в. стал временем географических открытий, осуществлявшихся тюрками. Разгромив в Средней Азии мощное государство эфталитов, войска алтайских тюрков вошли в контакт с не менее могучей державой – Ираном, управлявшимся династией Сасанидов. Около 567 г. Иран и тюрки поделили по договору территорию Средней Азии. Все земли к северо-востоку от р. Аму-Дарья достались тюркам, а к юго-западу – отошли к Ирану¹. Все, что “за рекой”, для иранцев стало Туркестаном, т.е. “страною тюрков”.

Впервые под властью тюркских каганов оказались Семиречье и Согд, т.е. владения ираноязычных согдийских князей, центральные земли которых располагались в долине р. Зерафшан, на пути к Хорезму. В том же VI в. в столицу Китая г. Лоян прибыли первые персидские посольства, и были заключены договоры о торговле шелком с западными странами². Вместо периодических взаимных посещений, осуществлявшихся религиозными паломниками и путешественниками, в том числе и с торговыми целями, между различными китайскими царствами и Ираном был налажен постоянный Великий шелковый путь³. Это был тракт с промежуточными станциями, полноценно обслуживающими караваны: предоставлявшими отдых, кормление, охрану, смену состава, ремонт животных. Содержание Великого пути взяли на себя

предприимчивые и знавшие толк в торговых делах ираноязычные согдийские колонисты. Дошедшие до нашего времени письменные документы свидетельствуют, что согдийские строители, ремесленники, купцы и воины расселились от Самарканда и до китайских торговых центров через сравнительно пустынные просторы Центральной Азии⁴.

Благодаря тюрко-согдийскому посольству 568 г., возглавлявшемуся манихейским апостолом Маниахом, был заключен договор кагана Дизавула с императором Византии Юстином II (565–578 гг.) о продлении Шелкового пути на запад через Хоросан и Кавказ до Константинополя⁵. Заработала беспрецедентная торговая трасса, впервые установившая интенсивный товарообмен между цивилизациями Европы и Восточной Азии. Столь грандиозное международное предпринятие стимулировало развитие культур раннесредневековых тюрков Южной Сибири и вышедших из этих территорий народностей тюргешей и карлуков, а также уйгуров, расселившихся по Центральной Азии и Семиречью среди ираноязычных согдийцев Средней Азии. Эти события положили начало активному ирано-тюркскому языковому взаимодействию⁶.

Именно в последней четверти VI в. Первый Тюркский каганат, как и полагается сформировавшемуся государству, установил в своих пределах официальную письменность. Ею стало согдийское письмо. Была ли к тому времени тюркская знать достаточно знакома с языком ираноязычных согдийцев и обучена ли была она писать по-согдийски? На этот вопрос автор настоящей статьи получил ответ еще в 1953–1954 гг. во время проводимых им археологических раскопок руин раннесредневекового города Суяба, располагавшегося в V–X вв. на левом берегу р. Чу в современном Кыргызстане. Тогда был раскопан первый, из ныне известных в Средней Азии, буддийский храм VII–VIII вв. В нем были найдены четыре товарные буллы с изображением слона (одного из воплощений Будды) и согдийской надписью “господин” и 57 экземпляров литых медных монет с согдийскими легендами⁷. Для археологов стало ясно, что буддийский храм был построен, обслуживался и посещался согдийскими колонистами Семиречья; об этом свидетельствуют архитектурные особенности, строительные материалы, а главное – массовая согдийская керамика. При учете особенностей начертаний, надписи на буллах и монетах еще в поле были признаны нами согдийскими.

После сдачи коллекции в Отдел Нумизматики Гос. Эрмитажа, автором были приглашены для изучения специалисты: иранист-нумизмат О.И. Смирнова и знаток древнетюркских письменностей А.М. Щербак. Общими усилиями было выяснено, что в период не ранее начала VII в. и не позднее начала VIII в. тюркские монеты отличались только с согдийскими надписями, но в тюркских государственных мастерских и от имени тюргешского кагана. Последующие находки подобных монет в самом Согде (Пенджикент) и некоторые письменные данные позволили О.И. Смирновой сформулировать окончательный вывод: “в конце VII–VIII вв. тюрки выпускали монеты с согдийскими надписями и, следовательно, прочно уже освоили согдийскую письменность”⁸.

Так было впервые установлено официальное использование согдийской письменности и языка в Западнотюркском каганате и у его среднеазиатского политического преемника – в Тюргешском каганате. Эти данные по интересующей теме оказались, однако, не самыми ранними.

Спустя годы в литературе появилось важное подтверждение тому, что еще правители Первого Тюркского каганата не только признали за согдийской письменностью ее международный характер, но и использовали ее в качестве государственной. В 1971 г. опубликован опыт прочтения плохо сохранившегося согдийского текста, начертанного на каменном памятнике не ранее последней четверти VI в.⁹ Эта стела из урочища Бугут в свое время была установлена на коренных землях, принадлежавших древним тюркам в эпоху как Первого, так и последующего Второго, Тюркских каганатов VI–VIII вв.

Согдийская колонизация центральноазиатских земель тем временем продолжалась. Под 630 г. в китайских летописях упоминаются, например, самаркандец Кан Су-ми и бухарец Ань Ту-хань, которые привели с собою в древний Тюркестан сразу пять тысяч соплеменников. К VII в. число согдийцев на тюркских землях оказалось настолько значительным, что китайский историограф того времени рассматривал ираноязычных переселенцев как одно из местных племен каганата. Наместник из Восточного Туркестана доносил императору Китая: “Тюрки простодушны и недальновидны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живет много согдийцев, которые хитры и коварны; они научают и направляют тюрков”¹⁰.

Находки в пределах Китая документов и большого количества религиозной литературы, относящихся ко времени не ранее VII в. и написанных на согдийском наречии, привели исследователей к мнению, что согдийский язык стал литературным языком для иранцев Китайского Туркестана и международным языком для центральноазиатских тюрков.

Согдийские по языку и письменности эпиграфические памятники оставлены в Центральной Азии и от Уйгурской державы (745–840 гг.), сменившей Вторую Восточнотюркский каганат. Судя по двум находкам, в этом государстве на протяжении всей его истории официальные надписи на стелах выполнялись одновременно и по-согдийски, и на руническом орхонском письме. Содержащие подобные тексты Сэврэйский камень и Карабалгасунская стела датируются соответственно 1760 годами и 821 г. В эту эпоху носители согдийского письма оставили и десять вертикальных надписей тушью на скале Тайхир-чулун в Северо-Западной Монголии. Хотя тексты еще не изучены в должной мере, исследователи считают, что они оставлены гонцами и путешественниками. Отмеченные в надписях индийские лексические заимствования¹¹ при учете местной культурной истории позволяют думать, что авторы в данном случае были манихеями.

Именно присутствием согдийцев-манихеев объясняется и бытование иранской, как и арабской, речи в сердце Южной Сибири в последующий, древнехакасский период (он наступил после гибели Уйгурского каганата в 840 г.). Об этом свидетельствует один из очевидцев: начальник почтового ведомства арабского халифата Ибн Хордадбех (820–890 гг.), родом перс из Хорасана, привел в “Книге путей и стран” рассказ Саллама ат-Тарджумана (Саллама-переводчика), отправленного по заданию халифа ал-Васика (842–847 гг.) разыскивать Длинную стену, которой – согласно тексту Корана – Зу-л-Карнайн (Александр Македонский) оградил цивилизованный мир от северных полулюдей-получудовищ *йаджудж* и *маджудж*. Агент халифа, проделав долгий путь в 846 г., сообщал: “... мы достигли крепостей [построенных] рядом с горой, по ущельям которой проходила стена. В этих крепостях живет народ, говорящий по-арабски и персидски”¹². Посреди тюрко-иранского мира только в Тувинской котловине и лишь в долине Енисея можно было в середине IX в. встретить ту картину, которую увидел наш путешественник Саллам ат-Тарджуман¹³.

В результате археологического обследования Тувы мною в 1956–1958 гг. в долинах рек Хемчика и Улуг-Хема была изучена стратегически продуманная оборонительная система, состоявшаяся из уникальной Долгой глинобитной стены (длиною 230 км), в которую входили 17 квадратных и прямоугольных крепостей с глинобитными или сырцовокирпичными стенами, башнями и заполненными водою рвами. Эти внушительные сооружения были выстроены по приказу Элетмиш Бильге-кагана в 750–751 гг. для защиты центральноазиатского Уйгурского каганата от внезапных прорывов с севера древнехакасских войск¹⁴. Крепости строились по типу среднеазиатских торткулей. Руководство и строительство производили согдийские архитекторы и строители. Очевидно, они дожили в Туве до 846 г., когда все эти земли входили уже в Древнехакасский (Кыргызский) каганат, и объяснялись с Салламом на иранском и арабском языках. Саллам даже списал с “железных” ворот¹⁵, закрывавших ущелье, отлитую на чугунной плите надпись “железными буквами” “на древе-

нем языке”: “А когда придет обещание Господа моего, он сделает это порошком; обещание Господа моего бывает истиной”. Это, безусловно, манихейская заповедь¹⁶.

В персидском сочинении “Худуд ал-алам”, написанном в 982–983 гг., в разделе “области Хырхыз” сообщено, что в ней “находится город, который называют Кемиджет, там живет хырхыз-хакан”¹⁷. В годы составления этой “Книги о пределах мира от востока к западу” каган кыргызов, очевидно, жил еще на Верхнем Енисее, в Туве. Примечательно, что название города было составлено из двух разноязычных слов: *Кем* – местное тюркоязычное имя Енисея (тувинское *Улуг-Хем*; хакасское *Ким*, руническое *Кем*), а *кет* по-персидски и согдийски означает “город”.

Возвращаясь к западным тюркам, следует указать, что в Семиречье засвидетельствовано непрерывное применение ими согдийского письма и языка еще и в X и в XI вв. Таковы вертикально нанесенные на скалы урочищ Терек-Сай и Кулан-Сай посетительские надписи, три из которых имеют даты по эре Иездигерда III, соответствующие нашим 906, 943 и 1025 гг. Это самые поздние точно датированные памятники согдийского письма¹⁸, но не самое позднее свидетельство использования его тюрками.

Особую ценность для избранной нами темы имеют сведения, приводимые персидским автором Мухаммадом ибн Мансуром Мерверруди в сочинении “Тарих-и Мубарак-шах”, оконченном ученым в 1206 г. В этом подлинном панегирике тюркам и Туркестану сказано: “Тюркский язык является самым хорошим и влиятельным после языка арабского. Нынче стремление людей к овладению тюркским языком происходит по той причине, что в прежние времена большая часть эмиров и военачальников была из тюрков, власть находилась в их руках; всякие блага, золото и серебро также были в их руках... люди благородного происхождения, вельможи и их сыновья находились в услужении у тюрков... И еще. У тюрков была письменность: они знали тайны волшебства и небесных светил; *обучали детей грамоте* (курсив мой. – Л.К.). У них было два вида письма: сугдское и тогузгуское. В сугдском письме было около двадцати пяти букв и отсутствовали три: “зад”, “за” и “гайн”; пишется справа налево, при этом буквы не соединяются друг с другом ... Тогузгуское (уйгурское. – Л.К.) письмо... состоит из двадцати восьми букв; пишется справа налево: при этом буквы не соединяются ... Тюрки также умели слагать стихи – касиды и руба‘и”¹⁹. В заключение автор привел 60 названий известных ему тюркских племен.

Текст Мухаммада Мерверруди приводит нас к заключению чрезвычайной важности: тюркоязычные народы Средней и Центральной Азии, а также Южной Сибири, на протяжении свыше 500 лет (с конца VI до начала XIII в.) параллельно употребляли как согдийскую, так и тюркскую письменности. Следовательно, в массе своей тюрки изучали, наряду с родным языком, еще и иранские языки и, конечно, не только согдийский, но и новоиранский (фарси). В разное время и в разных тюркских странах были для того различные причины. В VI–VIII вв. они, по-видимому, были преимущественно вызваны нуждами государственного строительства и утверждения в международной экономической сфере, в частности, необходимостью торговли с югом и по Великому шелковому пути. Другим фактором, особенно сильно проявившимся со второй половины VIII в., несомненно, служила идеология. Очевидно, высокой ираноязычной грамотности населения способствовали манихейские священники, содержавшие школы при храмах и монастырях, в которых готовили и миссионеров.

Тюркско-согдийские связи и распространение манихейства

С переселенцами-согдийцами в VII в. среди тюрков Семиречья и Центральной Азии объявилось множество манихейских миссионеров, активно занимавшихся как раз в это время пропагандой своей монотеистической религии. Их деятельность создала новый этап в языковом взаимодействии тюркского и иранского миров. Напомним, В.В. Бартольд отмечал, что “манихеи применили к транскрипции звуков

иранского и тюркского языков свое письмо арамейского происхождения” и писали этим письмом “книги веры”.

На севере Семиречья появились к X в. селения, имеющие названия как на тюркском, так и, одновременно, на согдийском языках. Следует осознать, что за эти 400 лет тесного тюркско-иранского языкового взаимодействия тюркские народности, проживавшие севернее, восточнее и западнее пределов Средней Азии, подверглись основательному воздействию высокой иранской культуры в самых разных областях. Особый интерес вызывали не только ювелирное и прикладное искусство, но и литература и поэзия. В.В. Бартольд писал: “Тюркские князья в завоеванных ими областях подчинялись, конечно, влиянию местной культуры, не только имели при своем дворе персидских поэтов, но и сами писали персидские стихи”²⁰. Широкий отклик получило и ознакомление обитателей степных раздолий и горно-таежных теснин со специфическими иранскими религиями, такими как зороастризм и манихейство.

Учтем, что в VI в. в Иране сурово преследовались все незороастрийские, “еретические” общины. Это привело к массовому бегству иранских манихеев на восток и северо-восток. С конца VI по VIII в. манихейская кафедра и ее епископат обосновались в Согде, имея свои отделения в Семиречье (г. Тараз) и в Восточном Туркестане (г. Турфан). Что касается Средней Азии, то под давлением арабов в начале VIII в. манихейская кафедра перенесла свою резиденцию в Тохаристан, а с начала X в. она переместилась в Самарканд²¹. Начался особый период в истории манихейской религии, когда она распространилась и создала самобытные китае-тибетский, центральноазиатско-сибирский и кимакско-кипчакский центры. К VII в. официальным языком восточной манихейской церкви стал согдийский, на который и был переведен весь манихейский канон.

При этом манихейские священные тексты были едва ли не единственными религиозными сочинениями, которые не только поощряли торговлю, но и разрешали взимание ростовщического процента. Торговой деятельностью и ее развитием с другими народами занимались даже высокие церковные иерархи вроде, например, упоминавшегося выше Маниаха.

Манихейство было мировой наднациональной религией, обращенной ко всему человечеству с идеей победы Добра, Света и Истины над силами Зла, Тьмы и Лжи. В столицу Китая манихейские проповедники прибыли по Великому шелковому пути уже в 694 г.

Важно проследить, с какими тюркоязычными народностями и их государствами встречались упорно продвигавшиеся на север адепты манихейской религии, считавшие, согласно учению Мани, что Царство света ничем не ограничено с трех сторон: на север, на восток и на запад. Напротив, на юге свет сталкивается с тьмой. Таким образом, область власти основного божества “Отца Величия” ограничивается властью тьмы²². Крайнего восточного царства – Китая – пришедшие с запада манихеи уже достигли, а обитаемый север был все еще свободен²³.

Согласно ибн Вадиху ал-Йакуби (IX в.) “Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей и несколько государств, в том числе: карлуки, тогуз-гузы, кимаки и гузы. Каждый [из этих] народов тюрков [имеет] отдельное государство, и одни из них воюют с другими”. Ибн ал-Факих (IX–X вв.) сообщает, что «огузы, наряду с кимаками и тогуз-гузами, являются “царями” и больше других почитаются у тюрков ... наиболее “благородными” из всех считались карлуки»²⁴. Уйгурский Бёгю-каган (Эльтутмыш-каган, 759–779 гг.) принял манихейство в 762 г., находясь в Китае в г. Лояне. В следующем 763 г. он объявил его государственной религией всего Уйгурского каганата.

Вторым тюркоязычным каганатом, правитель которого вслед за уйгурами, около 765 г., объявил официальной религией уже давно проникшее на Енисей манихейство, явилось Древнехакасское государство, которым управлял царский род Хыргыс²⁵. Осведомленные ученые арабско-персидского мира хорошо знали, благодаря путешественникам, купцам, строителям и манихейским миссионерам, что истинные кыр-

гызы в VI–IX вв. обитали не в собственно Туркестане, а в Саяно-Алтайском нагорье, расположенном в Южной Сибири²⁶. В связи с нашей темой следует указать на распространение в енисейских рунических надписях манихейского содержания ирано-язычной религиозной лексики²⁷.

Третьим манихейским государством тюрков стало Кимакское. По данным ал-Идриси и Марвази, восходящим к IX–X вв., в верховьях Иртыша в государстве кимаков жили “зиндики”-еретики (т.е. манихеи), также имевшие храмы в столичном городе. Еще сообщается, что “кимаки исповедуют сабейскую религию, поклоняются солнцу и ангелам, сжигают мертвых”. Рядом с ними, в предгорьях юго-западного Алтая другие нетюркоязычные люди «поклоняются огню и воде... постятся один день в году, сжигают своих покойников и не оплакивают их. Они говорят: “Воистину мы довольны решением Всевышнего бога!”»²⁸. В сообщении о лесных людях, обитавших в южных Саянах, сказано об их похоронном обряде – по существу о манихейском: “Когда кто-нибудь из них умирает, его тело обматывается веревками и вешается на деревьях и оставляется там гнить”²⁹. Прибавим, что еще в X в. о том же обряде избавления от трупов умерших людей (“у соседей киргизов”) сообщал и другой ранне-средневековый ученый Мутаххар ал-Макдиси³⁰.

Оказалось, что вышеупомянутые авторы писали правду. В XIX–XX вв. этнографы многократно свидетельствовали, что часть горно-алтайцев практиковала (в течение 1000 лет) подвешивание или укладывание тел умерших на ветви деревьев; для священнослужителей и шаманов устраивались срубные гробницы на четырех столбах, сооружаемые на вершинах гор³¹. Ныне можно полагать, что распространение в Сибири обряда так называемого воздушного погребения в немалой степени связано с былым воздействием на таежников и степняков манихейского мировоззрения. Такой обычай во всем отвечал манихейскому запрещению осквернять священную землю захоронением греховной человеческой плоти.

Б.Е. Кумеков, обобщивший сведения нескольких авторов о народе кимаков и сочинения ал-Идриси (в своем переводе), подтвердил данные о том, что в этой тюркской стране маги-огнепоклонники сжигали умерших, а манихеи относились к сабейской ветви этой религии, поклонялись солнцу и ангелам, почитали звезды, занимались астрологией, имели храмы в кимакском столичном городе³². В заключение Б.Е. Кумеков справедливо полагает, что манихейство перешло к кимакам от кыргызов, являвшихся северными соседями кимаков. О влиянии кыргызов Енисея на кимаков сообщается и в источнике X в. – аноним “Худуд ал-алам” (“... жители напоминают по обычаям хырхызов”).

К свидетельствам письменных источников могут быть привлечены и некоторые археологические данные. Прямое проникновение древних хакасов и включение Алтая вплоть до Иртыша в возглавлявшееся кыргызами манихейское южносибирское государство подтверждается материалами из раскопанных там могильников³³. В области прикладного искусства отмечается сильное влияние древнехакасской тюхтятской культуры на прииртышско-кимакскую и сrostкинскую культуры IX–X вв., более всего проявляющееся в оформлении бронзовых деталей конской сбруи и мужского снаряжения. Не случайно орнамента этих изделий щедро наполнена манихейской изобразительной символикой³⁴. Принятие манихейства (а не воздействие среднеазиатского ислама, как полагали авторы раскопок) привело к появлению мавзолеев из сырцового кирпича в Барабинской и Кулундинской степях. Несмотря на изменение надмогильных сооружений, прочие особенности погребальной обрядности правомерно позволили исследователям приписать эти захоронения к кимакам³⁵.

Следует добавить, что эпиграфические материалы свидетельствуют о распространении в это же время на Горном Алтае и в кимакских землях енисейской рунической письменности³⁶, ставшей священным письмом сибирских манихеев. Активную проповедническую деятельность развернули здесь тюркоязычные миссионеры³⁷.

Именно с их подвижничеством можно связать недавно обнаруженные енисейские наскальные надписи, сделанные в Семиречье и у западной оконечности Иссык-Куля³⁸.

Величайший ученый-энциклопедист средневекового Востока, уроженец Хорезма, Абу-р-Райхан ал-Бируни (973–1048 гг.), прославившийся одним из ранних исследователей манихейства, установил, что в XI в. “веру Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии”³⁹. Приведенные данные позволяют нам отметить IX-X вв. как начало новой эпохи в истории манихейства на Востоке. С этого времени при официальной поддержке Древнехакасского государства началось обратное движение манихейской идеологии и общин на запад от Саяно-Алтайского нагорья и Центральной Азии – в пространства Прииртышья и Джунгарии, Семиречья и Притяньшанья – в земли кимаков и карлуков. Учение Света на этот раз распространяли его тюркоязычные адепты, владевшие енисейским руническим письмом. Именно эту форму мировой религии, закономерно отличную от западной и восточной ее разновидностей, мы и назвали северным манихейством.

В Восточном Туркестане и, как увидим, в Северной Монголии манихейство сохраняли остатки развейного войнами IX в. уйгурского народа да и другие центральноазиатские тюрки, расселившиеся вплоть до излучины Хуанхэ.

В рассматриваемую эпоху манихейство, как и лично созданная пророком Мани особая письменность, продвинулись в тюркоязычной среде вплоть до Восточной Европы. Это было известно арабской науке. Еще в 987 г. Мухаммад ан-Надим в труде “Китаб ал-Фихрист” так и указал: на западе – на (волжских) булгар, а на востоке – на туббат (тибетцев), которые, зная восточные письмена, “употребляют письмена Мани”⁴⁰.

Манихейство у тюрков в эпоху монгольских государств

В 1128–1130 гг. мусульманский Кашгар и Семиречье испытали нашествие киданей. Арабский историк Ибн ал-Асир (умер в 1233 г.) писал о возглавлявшем киданское войско Гурхане: “Он был манихеем”⁴¹. Следовательно, кидани, подданные империи Ляо (она в 924 г. распространила свою власть на запад), к тому времени и сами восприняли манихейскую веру. Источник новой для них идеологии может быть установлен.

С приходом с востока нового войска во главе с Елюем Даши на Орхоне на короткое время создано государство, которое может быть названо Бэй Ляо (Северное Ляо, 1124–1130 гг.). Его опорной крепостью стал Хэдун, построенный на месте бывшего городка уйгурской ханши, который назывался по-тюркски Хатун-балык. За годы совместного проживания кара-китаев (как их называли тюрки) с уйгурами-манихеями и с завоевавшими Уйгурский каганат в 840 г. древними хакасами (кыргызами), также исповедовавшими манихейство, кидани восприняли многие достижения культуры центральноазиатских тюрков, а посещение храмов, праздничных и иных молений приводило их к исполнению манихейских обрядов. Многообразное воздействие древнехакасской культуры X–XII вв. на материальную культуру киданей отражают и многочисленные археологические материалы⁴².

Как видим, торжество манихейской религии на землях современной Монголии фактически продолжалось с 763 по 1130 г., когда гурхан-манихей Елюй Даши увел кара-китаев с Орхона в завоевательный поход на Восточный Туркестан и Семиречье. Там на юге возникло новое кара-китайское государство Си Ляо (Западное Ляо, 1130–1213 гг.)⁴³. Удачливый основатель царства умер в 1143 г., а последний гурхан кара-китаев – в 1213 г.

После того, как на р. Онон, в северо-восточной части Монголии, на всеобщем курультэе в 1206 г. Тэмучин был провозглашен Чингисханом, возникло Монгольское государство. Монголы восприняли у исторических предшественников власть над обширными пространствами и столкнулись с более чем 400-летней манихейской идеологией населения Центральной Азии. Недаром Чингисхан сразу оценил обнаружен-

ных им еще в 1204 г. уйгурских грамотеев и писцов, несших канцелярские и учительские обязанности у керантов и найманов, которых ему пришлось завоевать. Как известно, одному из них, Тутатунгу, хранителю золотой печати, Чингис поручил заведовать государственной канцелярией, а также сделал его учителем четырех своих сыновей. Тюркско-уйгурский язык стал использоваться для составления всех официальных актов, а уйгурская письменность с течением времени была приспособлена и к монгольскому языку.

Сами монголы и сообщавшие о них послы – свидетели из числа европейцев, побывавших в Монголии, постоянно употребляют выражения: “Всевышний Господь”, “Древний Бог” (см., например, Великую Книгу Ясы) или утверждают: “Они веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого...” (Плано Карпини). Не случайно и то, что Бога монголы по-тюркски именовали “Тенгри”⁴⁴. Уже известные нам факты не позволяют сомневаться в сильнейшем воздействии местного тюркоязычного и другого населения, приверженного к единобожию манихейской религии, на монголов эпохи Чингисхана⁴⁵.

Ко всему вышесказанному нельзя не добавить напоминание читателю, что по мнению специалистов, изучающих фрагменты старинных рукописей, чудом сохранившиеся в занесенных песками руинах средневековых храмовых зданий, “манихейская письменность была в ходу вплоть до угасания манихейства в Центральной Азии, т.е. примерно до XIII в.”⁴⁶. Имеются веские основания утверждать, что енисейское руническое письмо в Туве и Хакасии также сумело преодолеть последствия монгольского завоевания. Оно продолжало свое существование в Южной Сибири и в XIII–XIV вв., и, весьма возможно, позднее⁴⁷.

Примечательна характеристика точных границ собственно Монголии, очерченных пером перса Джувейни, который в 1249–1253 гг. совершил две поездки в Монголию: “На востоке [она граничит] со страной Китай, на западе – со страной уйгур, на севере [со страной] киргиз и [рекой] Селенгой, с южной стороны [находятся] Тангут и Тибет”⁴⁸. Как видим, по данным Джувейни тюркоязычные уйгуры и киргизы (древние хакасы Южной Сибири), наряду с Китаем, Тангутом и Тибетом, в середине XIII в. не были включены в монгольское подчинение и управлялись собственными властными правителями.

Не учитывая показанного выше продвижения манихейства на запад еще в IX–X вв. и оставляя без внимания ордынское наследие в культуре тюркских народов, нельзя, пожалуй, понять главный результат нашей работы со словарями. Как оказалось, иранское наименование верховного божества *Худай* или *Кудай* (в фонетической форме предшествующей новоперсидскому *Худо*) употреблялось и в большинстве своем употребляется до нашего времени почти всеми тюркоязычными народами Евразии. На востоке ареал их расселения простирается в Китае до излучины р. Хуанхэ (Салары). На западе он достигает берегов Волги и границ Северного Кавказа (поволжские татары, кряшены, ногайцы и др.). Ранний иранизм *Худай* (*Кудай*) к эпохе своего распространения принадлежал уже к лексике тюркского манихейства.

Поволжские татары (в том числе кряшены) до официальной мусульманизации и после нее являлись в основе своей манихеями. После распада в XV в. Золотой Орды на ее месте возникло несколько самостоятельных тюркских государственных образований – Ногайская орда, государство “кочевых узбеков”, из которого в начале XVI в. выделилось Казахское ханство, а за ним – Сибирское. И вот оказалось, что все они, как и их современные потомки, называли и называют своего верховного бога Кудаем, а небо над своей головой по старинке именуют по-древнетюркски Тенгри. К этим народам примыкают томские и чулымские тюрки, хакасы, якуты, тувинцы, алтайцы и многие другие разноязычные народы Северной, Центральной Азии и Восточного Туркестана.

Следовательно, задолго до объявления в 1320 г. ханом Узбеком ислама государственной религией, в истории населения Золотой Орды (и других выше названных тюркских и иранских народов) существовала целая эпоха исповедания объединяю-

щей их и широко распространенной манихейской религии. И до сих пор среди нас живут люди с именами Худайдад (Богоданный), Худайкул (Раб Божий), Худайит (Собачка Божия) и с фамилиями Кудайбердиевы (Богом Дарованные), Худайназаровы (Божьей Милостью), Худайшукуровы (Богу Благодарные)⁴⁹.

Итак, манихейство явилось единственной мировой религией, которая в эпоху средневековья на несколько веков объединила почти все тюркоязычные народы Евразии от верховий Амура на востоке до устья Дуная на западе. Именно это вероучение более прочих приобщило тюрков к передовым достижениям общественной мысли и духовной культуры Западной и Средней Азии. Историческое значение тюрко-иранского культурного и языкового взаимодействия трудно переоценить. Оно не закончилось в средние века, но продолжалось и все новое время⁵⁰. Будучи освященным веками, не закончится и впредь.

Примечания

¹ *Кызласов Л.Р.* Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 346, 348.

² *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 10–21; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 100–105. Рис. 9, 10, 13; С. 115, 116, 164.

³ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути. М., 1994.

⁴ *Pulleyblank E.G.* A Sogdian Colony in Inner Mongolia // *T'oung Pao*. V. 41. Leiden, 1952. P. 317–356; *Pelliot P.* Colonie sogdienne // *Journal Asiatique*. V. VII. P., 1916. P. 111–123.

⁵ Византийские историки: Менаандр Византиец. Пер. с греческого Спиридона Дестуниса. СПб., 1861. С. 340–375. *Манаих* (согд.) – “Помазанник Мани”, ср. *Машиах* (иран.) – “Помазанник Божий” (*Мессия*).

⁶ Арабы вошли в непосредственное соприкосновение с тюрками позже, при втором “праведном” халифе Умаре ибн ал-Хаттабе (634–644 гг.). См.: *Асадов Ф.М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993. С. 123, прим. 7; см. также: *Kowalski T.* Die ältesten Erwähnungen der Türken in der arabischen Literatur // *Körösi Csoma-Archivum*, 1926, II, 1–2. S. 38–41; *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 10–21; *Он же.* История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928. С. 9.

⁷ *Кызласов Л.Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М., 1959. С. 209–211; *Литвинский Б.А.* Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия) // Вестник древней истории (далее – ВДИ). 1996. № 2. С. 193. Спустя 40 лет опубликован китайский текст с датами строительства раскопанного нами храма, совпавшими с археологическим заключением: *Forte A.* An Ancient Chinese Monastery excavated in Kirgiziya // *Central Asiatic Journal*. 1994. V. 38. № 1. P. 41–57; № 2. P. 282.

⁸ *Кызласов Л.Р., Смирнова О.И., Щербак А.М.* Монеты из раскопок городища Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Уч. зап. Ин-та востоковедения. Т. XVI. М.; Л., 1959. С. 514–561; *Смирнова О.И.* Очерки из истории Согда. М., 1970. С. 18; *Она же.* К вопросу о языке легенд на тюркешских монетах // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 271; *Она же.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981. С. 5, 9.

⁹ *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971; ср.: *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. С. 143–145. Различные мнения о датировке и уточнения к содержанию и назначению Бугутской надписи см.: *Лившиц В.А., Хромов А.Л.* Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 363; *Takao Moriyasu.* A Report on the 1996–1997 Mongol-Japanese Expeditions in Mongolia // Circle of Inner Asian Art. Newsletter. Issue 7. L., 1998. P. 7, 8.

¹⁰ *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Buch I. Wiesbaden, 1958. S. 87.

¹¹ *Лившиц В.А., Хромов А.Л.* Указ. соч. С. 364.

¹² *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Перевод с арабского, комментарии, исследование Наили Велихановой. Баку, 1986. С. 127–133.

¹³ *Кызласов Л.Р.* Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1993. С. 26–30; *Он же.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8. История. 1998. № 3. С. 10–14.

¹⁴ *Кызласов Л.Р.* Средневековые города Тувы // Сов. археология. 1959. № 3. С. 66–75; *Он же.* История Тувы в средние века. М., 1969. С. 59–63; *Он же.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. С. 149–158; *Он же.* Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 52–54.

¹⁵ Технику замковых соединений железных (чугунных) и бронзово-латунных облицовочных плит в средневековье применяли китайские архитекторы при строительстве железных пагод. См.: *Ащепков Е.А.* Архитектура Китая. М., 1959. С. 26, 61.

¹⁶ См.: *Виденгрен Г.* Мани и манихейство. СПб., 2001. С. 49, 71. Еще одну версию о “стене Зу-л-Карнайна” ал-Мукаддаси см.: “Лучшее разделение для познания климатов” // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994. Как видим, памятники, которые посетил и описал Саллам ат-Тарджуман, конечно, не имели прямого отношения к мифической стене, якобы, построенной Александром Македонским. Однако благодаря такому отождествлению о существовании Долгой оборонительной стены, построенной уйгурами в середине VIII в., в странах Ближнего и Среднего Востока помнили долго. См., например: *Низами.* Искандер-намэ. М., 1953. *Кызласов Л.Р.* Низами о Древнехакасском государстве // Сов. археология. 1968. № 4. С. 69–76.

¹⁷ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 41, 44.

¹⁸ *Ливищ В.А., Хромов А.Л.* Указ. соч. С. 367.

¹⁹ *Мухаммад ибн Мансур Мерверруди.* Тарих-и Мубарак-шах // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Перевод Б.А. Ахмедова. Ташкент, 1988. С. 90–93. Ср.: *Умняков И.И.* “История Фахрэддина Мубаракшаха” // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 108–115.

²⁰ *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 83; *Он же.* К вопросу о языках согдийском и тохарском // Иран. Т. I. Л., 1927.

²¹ *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. С. 12, 19, 20, 46. См.: *Литвинский Б.А., Смагина Е.Б.* Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 271–369, 508–518, 522–532.

²² *Виденгрен Г.* Указ. соч. С. 77.

²³ О распространенной в то время в Азии геополитической концепции, сводившей мир к четырём царствам (Византии, Персии, Индии и Китаю), к которым в качестве пятого присоединились тюрки, см.: *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 216; *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971. С. 76–78.

²⁴ *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 132.

²⁵ *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство ...; *Он же.* Сибирское манихейство // Этнографич. обозрение. 2001. № 5. С. 83–90; *Он же.* Средневековый манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Российская археология. 1999. № 2; *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье. Идеи единобожия в енисейских надписях // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001; *Он же.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М., 1999.

²⁶ *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 52–68.

²⁷ *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири... С. 258.

²⁸ *Храковский В.* Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках // Тр. сектора востоковедения АН Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1959. С. 213.

²⁹ *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Mazvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A.D. 1120). L., 1942. Chapter IX, 3.

³⁰ *Бейлис В.М.* Народы Восточной Европы в кратком изложении Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969.

³¹ *Шатинова Н.И.* Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981. С. 94, 95.

³² *Кумеков Б.Е.* Страна кимаков по карте Ал-Идриси (1100–1164 гг.) // Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971; *Он же.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 109–112; *Он же.* Сообщения Ал-Идриси (XII в.) о странах кимаков и карлуков // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.

³³ *Кызласов Л.Р.* Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 57, 58. Рис. 32 (карта); *Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002.

³⁴ *Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. С. 171, 172.

³⁵ *Могильников В.А.* Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. Тюмень, 1999.

³⁶ *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. С. 83–89; *Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. М., 1973; *Кызласов И.Л.* “Добро сотворив, посеять человечность”. Манихейские миссионеры у вершин Алтая // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001.

³⁷ *Кызласов И.Л.* “Добро сотворив, посеять человечность”...; *Он же.* Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М., 2003.

³⁸ *Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая надпись из урочища Тамгалы (Семиречье) // Краткие сообщения Ин-та археологии (в печати); *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Рунические надписи Кочкорской долины // Изв. НАН Кыргызской Республики. 2001. № 1–2. Рис. 10 (палеографическое определение надписи из урочища Калмак-Таш произведено И.Л. Кызласовым).

³⁹ *Бируни А.* Избранные произведения. Ташкент, 1957. С. 213.

⁴⁰ *Китаб ал-Фихрист.* Талиф-и Мухаммад б. Исхак ан-Надим. Тарджама-йи М. Риза Таджадуд. Чап-и дуввум. Тихран, 1967 (перевод на персидский язык). *Мани* – это имя пророка, а не “сокращенная арабская форма манихейства” – ср.: *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 83, 84. Ибн ан-Надим по-арабски “манихейство” называл верно: “al-manā’iyā”!

⁴¹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 65.

⁴² См.: *Длужневская Г.В.* Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.). Автореф. канд. дисс. Л., 1985. Другие работы этого автора см.: *Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.* Енисейские кыргызы в центре Тувы. М., 1998. С. 80 (библиография). К сожалению, исследовательница, не учитывая основы истории Центральной Азии того времени, ошибочно придает этим связям обратную направленность.

⁴³ *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 48–56.

⁴⁴ *Груссе Р.* Чингисхан. Покоритель Вселенной. М., 2002. С. 161–164, 251, 252, 257, 258, 262. Ср.: *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство... С. 9, 33.

⁴⁵ *Кызласов Л.Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. С. 127–162.

⁴⁶ *Хромов А.Л.* Памятники парфянской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 303 (ссылка на: *Sundermann W.* Schriftsysteme und Alphabete im alten Iran // *Altorientalische Forschungen.* В., 1985. S. 111).

⁴⁷ *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // Российская археология. 1994. № 1. С. 33–50.

⁴⁸ *Ala-ad-Din’ Ata Malik Juvaini.* The History of World-conqueror. Translated by John A. Boyle. Manchester, 1958.

⁴⁹ Ср.: именной указатель в кн. “Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков”. Алма-Ата, 1969. С. 610 и др.

⁵⁰ *Литвинский Б.А.* Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 1. М., 1990.

L. R. K y z l a s o v. Cultural Ties between the Turkic and Iranian Peoples in the Sixth–Thirteenth Centuries (Language, Writing Systems, Religion)

The cultural interaction and language ties between the Turkic and Iranian peoples in the mediaeval epoch have been variously explored and analyzed in the field of Oriental Studies. The author draws attention to a number of recent findings that may throw light on some of the disputed issues in the area. In particular, he elaborates on the role of the Sogdian language, which was official in Turk Khaghanate in the sixth century, was a literature language among the Iranian peoples of the Chinese Turkestan in the seventh century, and was used in the Jety-Su (Semirechie) region in the tenth and eleventh centuries. He also elaborates on the role of Manichaeism, the cultural influence of which was traced by ethnographers as still present in the nineteenth and even twentieth century; and analyzes the place of Yenisei runic scripts as sacred writings among the Manichaeans of Siberia.